

ТЕАТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ

слово — режиссеру

Адольф Шапиро, главный режиссер Латвийского театра

Не опоздать — предупредить

В опубликованном почти двадцать лет назад выступлении «Тыся против поэта» режиссер резко высказался против бытоварного тогда примитивного взгляда на театральное искусство. Он хотел доказать, что театр для молодых так же необходим и сложен и интересен содержанием, как и театр для других возрастов. И вызвал волну негодований, потому что в этом усмотрели чуть ли не реакцию самих основ театровского движения. Прошли годы, и режиссер из Риги на практике доказал свою правоту.

Все три недавние премьеры Латвийского театра оказались о предвещении или послании времени. Потому именно из это время пад режиссерский выбор?

— Мне кажется, сейчас, как никогда, зритель ждет спектаклей общественно значимых, посвященных самым важным проблемам нашего времени и даже нашего века. Потому не в связи с какими-то датами, а по внутренней потребности три последних поставленных мною спектакля — «Центрифуга» Г. Приоде, «Страх и отчаяние в Третьей империи» В. Брехта и «Завтра была война» по В. Васильеву — тем или иным образом связаны с самым страшным, что принес нам двадцатый век. С темой фашизма и его порождением — войной.

Из всех бед, которые подстерегают современный театр, одна из самых страшных — провинциализм. Он перестал быть географическим понятием, сегодня это способ мышления, когда человек тешит себя иллюзией, что можно замкнуться в кругу «домашних» проблем. Как некогда, мир бурлит, и театр просто обязан расширить рамки восприятия зрителя, выходить за круг узких тем. Последние спектакли нам дороги как раз этой возможностью.

Несмотря на то, что мы часто повторяем, как вырос наш зритель, изменился, стал более развитым, на практике продолжаем его недооценивать. Когда я приступаю к постановке небогатой внешними эффектами пьесы «Центрифуга», многие и в театре, и вне театра говорили, что, конечно, можно сделать интересный спектакль, но вряд ли привлечешь молодежь этой тематикой. Работая над пьесой «Страх и отчаяние в Третьей империи», я тоже слышал: очень интересно, но для узкого круга специалистов. Делать, мол, не получится широкой популярностью. А ведь Брехт — это не дотушишь, не плакаты. Потрясающий по убедительности анализ. Многие фашисты, Восточный фронт доверчиво попадаются в первую очередь. Всеобщее широчайшее мысли, чувства.

Эту работу надо было сделать. А о «Завтра была война» говорили: материал очень хороший, но не для молодежи, скорее для старшего поколения. Молодые не знают «военной эпохи», единично изменились характеры, стиль жизни, атмосфера тех лет неподобаю и вряд ли будет принята.

Но оказалось, и это чрезвычайно радует, что именно молодежь эмоционально воспринимает то, что мы хотели сказать и показать. Это еще раз подтверждает, что можно и нужно ориентировать театр на самые высокие задачи. По сути молодежный театр и должен быть театром антифашистским, а мы иногда об этом забываем.

Знаете, такие спектакли важны не только зрителю — на них становя я артистами. Я имею в виду не одно лишь повышение театрального мастерства, когда исполнители, особенно молодые, получают серьезные роли. Мне кажется, спектакль хорош и может увлечь зрителя, когда он выходит за рамки внутри-театральных проблем, а роли становятся фактом биографии самих исполнителей. Именно так произошло с последними моими постановками — прежде всего с Брехтом и Васильевым. В них в основном заняты молодежь, и отсюда было видно, как во время репетиций они формировались как художники.

— В последние время большим успехом стал пользоваться театр открытой публицистики, политический театр. Он действительно отличается громким голосом. Например, спектакль «Диктатура совести», поставленный Московским театром имени Ленинского комсомола, игрался в Ленинграде на стадионе, и «сала» был полон. Но это, наперное, не единственная возможность развития политического театра. Быть может, о тех же сложнейших материях можно сказать и шепотом?

— Формы театра многообразны, столь же многообразно явление в нем политического содержания. Разве можно ставить пьесы Чехова, не определив до конца взгляд театра на место интеллигенции в обществе, на ее роль в создании совершенного мира?

Под тем, что мы сегодня весьма условно именую «политический театр», имеется в виду театр публицистический, в открытой форме несущий политический текст зрителям, мгновенно откликающийся на злобу дня. В последнее время появилось много таких спектаклей. Их успех у публики, особенно у молодых зрителей, — свидетельство оживления общественной мысли в стране, на которое театр, как чувствительный барометр, реагирует.

Публицистические спектакли важны, коэффициент их полезного действия велик, но беда,

если они станут «модными». Есть много жанров и театральных форм, в которых можно создавать произведения, активно воздействующие на зрителя, пробуждающие его гражданское сознание. Важно, чтобы эта «сверхзадача» была у текста.

И как режиссер чувствует себя нужным тогда, когда могут говорить о нем, про которые другие еще не говорят. Когда общество или государство приняли по какой-либо проблеме решение, мне не так уж интересно говорить на эту тему.

— А какими вы видите оптимальный способ общения вашего театра со зрителем? Я имею в виду и художественные, эстетические приемы, которые были бы близки современному молодому человеку?

— Вы знаете, сегодня распространены два типа театров: агрессивно атакующий зрителя и нежно инсценирующий перед ним. Я уже какое-то пытаюсь сформулировать суть этих двух моделей.

— По интонации чувствую, что обе вам известны не нравятся...

— Да. Попробую проиллюстрировать мою мысль еще раз. Со зрителем эти театры разговаривают примерно так. Первый — надвигает связи. Ты такой, слякотный, этаким! Сидишь, плачешь, а советую у тебя есть? Мы научим пить и тебя, и мать твою. Ты, низзу, смотри наверх! На подмостках увидишь себя таким, какой ты есть. Мы тебя лазером достанем. Испугался? Проектора в глаза? Рок гремит? То ли еще будет. А дыму не хочешь? Сейчас к тебе придет. Не спрыскаешь. Неприятно? Валтин брат, приятнее, да? С женой начальника приятнее? «А ну-ка, деушки!» по теме приятнее? Сомнень, несчастный, дрожи, приподбегает, дружишка, наследник, мессиями! Теперь, букашки, от суда не уйдешь.

Такой театр не соображает, что наделен прагами последней инстанции. Он выносит окончательные суждения по всем вопросам жизни (социальным, духовным, семейным, хозяйственным, сексуальным, политическим).

Второй дистанциро убождает. Ребята, это хорошо, что вы зашли к нам. Устаете, конец миссия, а вот не поденались. Сильно депресс. Дайте слово, человек слово. Благословенно. Мы пока мало знаем, мало пока понимаем, не во всем пока разобидемся. Лучше бы вы сами поднялись на сцену, рассказали о себе, об успехах. Старик, ведь выто в твое жизни, а мы отрываемся где-то. Музыка не беспокоит? Проекторы очи не слепят? Да не смотрите на нас снизу вверх. Важно, что вы-то скажете о нашем спектакле? Судите нас, старички. Ухватали что-нибудь? Удалось ли подметить? Играть с удовольствием, хотя осознаем, что жизнь богаче, краше. Так что не обескураживайте.

Надо идти по другому пути. Спектакль должен быть в какой-то степени независим от зрителя, чтобы между сценой и залом существовала дистанция. Дистанция уважения, дистанция почтения. Чтобы зритель не только вдоволь награлся, но и прикоснулся к магии театра, к Познанию.

— В чем же видите вы как режиссер собственную сверхзадачу, цель своего театра?

— Молодого зрителя прежде всего хочется научить ценить жизнь. Чем раньше человек поймет ее ценность и преходящность, тем более серьезным будет его отношение к окружающему.

Упреки молодежи в прагматизме, на мой взгляд, несправедливы и неуместны. Скорее бесконеч их позднее осознание того, что жизнь — величайшее благо, которое нам дано, и им надо распорядиться разумно. Долгие годы с упорством, достоинством лучшего применения, мы обвиняли каждого, кто отличался непохожестью черт и по-своему оценивал события и явления, кто стремился найти свою мелодию в общем многоголосье. — в карьеризме, в пренебрежении интересами коллектива. Мы сами порождали инфантилизм, рисуя молодым будущий жизненный путь, как хорошо укатанную веселую дорожку. Садись и кати со всеми! А самое главное — формирование незаурядной человеческой личности — осталось как бы за скобками.

Театр должен увлечь юных красотой жизни, во всем многообразии ее проявлений, и в то же время предупредить, подготовить их к борьбе за утверждение себя, своей позиции. К борьбе не только с неблагоприятными внешними обстоятельствами, но и с тем сонмом соблазнов, что подстерегают тебя, как Одиссея, на каждом отрезке путешествия. Из всех драматургических конфликтов самый напряженный — борьба человека с самим собой.

Мне кажется, есть два пути воспитания молодого человека: первый — показ идеала, на который стоит равняться. Таковы герои наших спектаклей «Бумбараш», «Завтра была война», «Центрифуга», светловского «Человека, похожего на самого себя», арбузовского «Города на заре». С другой стороны, есть спектакли-предупреждения. Сделать их и не опоздать — важная цель.

Беседу вел
Елена МАЦЕХА.